

ПСИХОЛОГІЯ.

ПСИХОЛОГІЯ.

лекцій

ординарного Професора

Л. М. ЛОПАТИНА,

1901 — 1902 ак. р.

Москва.

В

39 ЛЕКЦІЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

М. М. Г. Г. психологія по буквальному значеню слова, есть наука о думѣ | думе́йдѣніе|. Когда впервые возникли психологическая теоріи, ихъ задача вполнѣ отвѣтчила такому опредѣленію: ихъ авторы старались объяснить, въ чёмъ заключается сущность души взаимодѣйтсвіе какихъ элементовъ обусловливаетъ ея существованіе, принадлежитъ ли она по своей природѣ къ материальному міру, или, напротивъ, относится къ высшей, невещественной сферѣ. У древнихъ философовъ до-Сократовской эпохи душѣ приписывались материальные признаки, ее отождествлялись различными вещественными стихіями: воздухомъ, огнемъ, эфиромъ; послѣ Сократа побѣждаетъ идеальный взглядъ на наше духовное существо: по Платону душа есть Божественное въ человѣкѣ, вѣчный и самодвижущійся источникъ жизни, внутренно сродный бестѣлесному міру идей; для Аристотеля душа есть идеальная творческая форма тѣла. Черезъ позднѣйшую исторію мысли идетъ постоянная борьба между двумя взглядами на природу души - материалистическимъ и спиритуалистическимъ. Но какъ бы ни разнообразились возврѣнія отдельныхъ психологовъ, всѣ они стремились освѣтить одинъ и тотъ же вопросъ: что такое наша душа?

Въ сравнительно недавнее время положение дѣла измѣнилось. Этотъ вопросъ о существѣ души отступъ на второй планъ или даже и совсѣмъ былъ вы-брошенъ изъ психологіи. Предметомъ психологическихъ изслѣдованій были признаны явленія души, помимо вопроса о томъ, кто и что ихъ переживаетъ. Среди психологовъ возобладалъ взглядъ, по которому мы ничего не можемъ сказать съ увѣренностью, что такое душа сама по себѣ, да и существуетъ ли она, какъ независимый отъ тѣла источникъ своихъ особыхъ явлений. Начали стараться построить — психоло-
гію безъ души. При такомъ взгляде на нее, психологію, какъ науку, придется опредѣ-
лить такъ: психологія есть наука о душевныхъ яв-
леніяхъ.

Должны ли мы удовлетвориться этимъ опредѣле-
ніемъ? Легко замѣтить его основной недостатокъ;
въ немъ сказывается известная предвзятая оцѣнка.
Можетъ быть, и правы тѣ, кто думаетъ, что по
явленіямъ души ничего нельзя вывести о
самой душѣ, но можетъ быть, они и неправы, — какъ
это знать навѣрное съ первого шага, прежде чѣмъ мы
приступили къ предмету психологическихъ изысканій?
Вѣдь во всякомъ случаѣ, въ мысли, что можно хорошо
знать явленія вещи | души | и при этомъ со-
всѣмъ не знать, что такое сама эта вещь, да и су-
ществуетъ ли она, — для нашего ума заключается нѣ-
которая неловкость и трудность. Какъ же принять ее
за что то бесспорное раньше всякихъ изслѣдованій?
Не будетъ ли разумнѣе и осторожнѣе отказать-

всякаго предвзятаго взгляда, ничего не предрѣшать впередъ - о содержаніи и границахъ нашихъ возможныхъ выводовъ и обобщеній и съ безпристрастнымъ терпѣніемъ и вниманіемъ изучать душу такъ, какъ она дана въ природѣ. Пускай она покажеть себя такою, какъ она въ насть есть, помимо нашихъ мнѣній и предразсудковъ. Съ этой точки зрењія, наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ ограничиться слѣдующимъ весьма общимъ опредѣленіемъ: психология есть наука о законахъ и процессахъ душевной жизни; при чёмъ мы не дѣлаемъ никакихъ предварительныхъ предположеній о томъ, обнаруживается ли внутреннее существо души въ ея собственной жизни, - или сама душа и жизнь души раздѣлены непроходимою пропастью, ничѣмъ другъ на друга не намекаютъ и представляютъ двѣ совсѣмъ особыя сферы существованія.

— — — 000 — —

Едва ли нужно долго настаивать, какое огромное и важное мѣсто занимаетъ психологія среди другихъ наукъ. Это мѣсто принадлежитъ ей не только въ виду ея специального предмета, - она раскрываетъ намъ нашъ собственный внутренній міръ, путемъ научнаго анализа обнаруживаетъ и обособляетъ тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, на- чувство, нашу волю. Значеніе психологіи предста-

вляется, можетъ быть, еще болѣе важнымъ въ виду того особаго положенія, которое она получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній. Это положеніе можно назвать центральнымъ. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ тѣмъ безспорнымъ и очевиднымъ фактомъ, что мы все знаемъ только черезъ призму своего собственнаго духа. Всякий предметъ дается намъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, представленахъ, идеяхъ | что значитъ воспринять предметъ, положимъ видѣть его? — мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрителныя ощущенія свѣта, цвѣта, формы; когда эти наличныя ощущенія сопоставлены съ прошлыми ощущеніями того же предмета или однородныхъ съ нимъ. Т.е., въ этомъ, казалось бы простомъ актѣ усмотрѣнія, вышней намъ вещи, мы имѣемъ очень сложный психіческій процессъ. Что значитъ вообще разить предметъ |положимъ, лицо человѣка|, отсутствующій въ настоящее мгновеніе? Опять мы имѣемъ здѣсь очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ его деталей, полученныхъ нами изъ прошлыхъ опытовъ... Нечего и доказывать, насколько еще болѣе сложнымъ является процессъ нашего отвлеченнаго пониманія какихъ нибудь общихъ истинъ о вещахъ, доказательства научныхъ положеній о нихъ и т.д.|. Въ виду этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: мы никакихъ объектовъ не знаемъ прямо, мы все познаемъ черезъ психіческіе сим-

в о л и и ли з на ч к и .

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципіальную важность для оцѣнки всякаго другого познанія... Геометрія, положимъ, изучаетъ основные свойства и законы пространства. Но что такое пространство? Существуетъ ли оно въ самой природѣ или только намъ кажется въ ней? Есть ли оно изначальное вмѣстилище всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, напримѣръ, Ньютона, или оно только наше субъективное представление, подъ угломъ котораго мы все воспринимаемъ, какъ училъ Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насть, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его себѣ представляемъ, или у него есть свойства быть можетъ, даже измѣренія, о которыхъ мы ничего не подозрѣваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Вамъ, вѣроятно, известно, какіе горячіе споры идутъ обо всемъ этомъ; между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не имѣемъ яснаго пониманія о томъ, какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насть представленіе о немъ... Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ вещества. Но что оно такое? Есть ли оно въ самомъ себѣ протяженная субстанція | Декартъ |? Или оно состоитъ изъ абсолютно не-протяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которые, однако, носятся въ пространствѣ | Гюковичъ |? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ есть абсолютно не-
изѣтная основа того, что для нашего чувства явія

ется, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, но что само по себѣ не имѣть ничего общаго съ эти-ми свойствами | Кантъ, Г. Спенсеръ | ? Какъ опять от-вѣтить на эти вопросы, не отвѣтивъ сначала на то, какъ слагается наше представлениe о физическомъ ве-ществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ, какіе именно психологические процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы разсчитывать выдѣлить въ немъ объективные элементы отъ субъективныхъ?... Или возьмемъ понятіе дви-женія, столь важное для нашего познанія внѣшняго міра. Что такое движеніе? Таково ли оно въ самой природѣ, какъ нами воспринимается? Опять прежде всего является вопросъ: изъ чего слагается наше восприятіе движеній? Опять таки лишь путемъ вычи-танія его чисто субъективныхъ моментовъ мы можемъ питать надежду приблизиться къ пониманію объектив-ной сущности движенія.

-----000-----

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ вся-кой посредствующей призмы.

Въ противоположность явлениямъ физической природы, явленія сознательной душевной жизни |, а какъ увидимъ, только они являются прямымъ предметомъ психологического изученія |, сознаются нами, какъ они есть. Это положение настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и положеніяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно сознается. Что я ощущаю и какъ ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я не ощущаю, то, очевидно, и не принадлежитъ къ ощущенію, какъ таковому. Чего я действительно желаю, то только и есть мое чувство. Это истины тождественные; предполагать здѣсь какія нибудь посредствующія призмы совсѣмъ не имѣть смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою душевную жизнь мы знаемъ въ ея настоящей, прямой действительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы ключикъ нѣкоторой действительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и подлежащемъ сомнѣнію явленіи чего то другого | какъ является намъ сплошь вся внешняя действительность|. Въ сферѣ непосредственно данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется и даже именно потому, что оно кажется: вѣдь когда что нибудь кажется, это и есть вполнѣ реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ

образомъ нашъ внутренній міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значеніе психологіи: метафизика или онтологія есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть самое по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которые вносятся въ него для настѣ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственного воспріятія и опытного знанія. Какъ мы видѣли сейчасть, только въ себѣ, только въ нашемъ внутреннемъ бытіи мы непосредственно постигаемъ нѣчто дѣйствительное въ его внутренней сути, тогда какъ виѣшняя реальность всегда закрыта отъ настѣ условными формами нашей чувственной восприимчивости. Слѣдовательно, только въ нашемъ внутреннемъ опыта мы имѣемъ доступъ къ существующему въ немъ самомъ и получаемъ чистые, не смѣшанные лучи изъ сферы живыхъ силъ, движущихъ міромъ. Мы знаемъ наше я прямо такимъ, каково оно на дѣлѣ. И лишь черезъ это знаніе мы можемъ приблизиться къ пониманію всего остального въ его внутреннемъ, не искаженномъ содержаніи. Допустимъ только, что міръ не состоитъ изъ вещей, абсолютно раздѣленныхъ, взаимно равнодушныхъ въ своемъ бытіи и совсѣмъ отрицающихъ другъ друга по всѣмъ своимъ качествамъ. Допустимъ | и это будетъ единственно вѣроятное, мыслимое, и не содержащее внутреннихъ противорѣчій умозрительное предположеніе|, что дѣйствительность въ своемъ цѣломъ есть реализація единої жизни и что,

поэтому, въ ней все связано въ своей основе, все однородно въ своемъ подлинномъ существѣ, все взаимно соприкасается, отражается и воспроизводится. Не будь этого, какое бы то ни было знаніе дѣйствительного міра оказалось бы абсолютно невозможнымъ. Но допустимъ эту внутреннюю связь сущаго, о которой я сейчасъ говорилъ, и намъ станетъ яснымъ, что познанію достаточно имѣть хотя одну твердую точку, ему довольно въ ней одной встрѣтиться съ истинною дѣйствительностью, чтобы оно уже не было сплошною иллюзіей и обманомъ, чтобы оно оказалось въ состояніи постигнуть всю реальность въ ея основныхъ очертаніяхъ, конечно, если оно правильно оцѣнить то, что ему открылось въ этой точкѣ.

-----000-----

Въ связи съ сейчасъ изложенными свойствами психологіи находится ея отношеніе къ философіи. Психологія есть по преимуществу философская дисциплина. Всѣ другія философскія науки находятся въ тѣсной зависимости отъ ея данныхъ. Ея отношеніе къ нимъ въ значительной степени аналогично ея отношенію къ наукамъ физическимъ. Мы отчасти могли убѣдиться въ этомъ, рассматривая отношеніе психологіи къ метафизикѣ. Но, пожалуй, съ еще большимъ правомъ можно это утверждать объ ея отношеніи къ теоріи познанія, логикѣ, этикѣ, эс-

тетикъ... Теорія познанія | гносеологія | рѣшаєтъ во-
просъ о возможности, существѣ и предѣлахъ человѣ-
ческаго знанія, но какъ же решить этотъ вопросъ,
если не имѣть яснаго и точнаго понятія о познава-
тельныхъ процессахъ? А какъ имѣть такое понятіе,
если не знать, какъ они совершаются? И мы, въ са-
момъ дѣлѣ, видимъ, что всякая теорія познанія вы-
ростаетъ на психологическомъ фундаментѣ. Поэтому
нѣкоторые мыслители, напримѣръ, Локкъ, сознатель-
но строятъ теорію познанія на основаніи данныхъ
психологии. Но даже и тѣ изъ философовъ, которые
старались обосновать теорію познанія въ полной не-
зависимости отъ какихъ нибудь психологическихъ
предположеній, не давая себѣ въ томъ отчета, все
же отправлялись отъ опредѣленныхъ психологическихъ
взглядовъ. Примѣромъ тому можетъ служить Кантъ
въ своей "Критикѣ чистаго разума"... Логика есть
наука о нормахъ мышленія... Но вполнѣ очевидно,
чтобы установить истинныя нормы, надо знать снача-
ла процессы мысли | оттого во всѣ времена логика
такъ или иначе всегда связана съ психологіей. |
Этика въ окончательномъ результатаѣ рѣшаєтъ вопросъ
о томъ, что мы должны и можемъ требовать отъ на-
шей воли | какъ жить и поступать |? Но ведь для
этого прежде всего надо знать природу и законы во-
ли. Для психолога, который думаетъ, что въ чело-
вѣкѣ нѣтъ другихъ интересовъ, кроме эгоистическихъ,
придется всю этику обосновать на эгоизмѣ. Наобо-
ротъ, если признать альтруистичнія побужденія,
какъ изначальную силу въ душѣ, то этика получитъ
совсѣмъ другое направленіе... Эстетика есть наука

о законахъ прекрасного.... Но какъ установить эти законы, если не знать во всей точности, что вызываетъ въ насть художественное впечатлѣніе и что нѣтъ? И въ исторіи эстетическихъ теорій особенно удобно наблюдать, какъ измѣнялись взгляды различныхъ исследователей смотря по тому, какую окраску принимали ихъ психологическія убѣжденія.

— 000 —

Но если всѣ эти науки тѣсно связаны съ психологіей, это все-таки далеко еще не значитъ, что онѣ составляютъ только отдылы или части психологіи. Психологія все-таки остается особой наукой среди другихъ философскихъ наукъ съ своимъ специальнымъ предметомъ, специальными задачами и методами. Она изучаетъ душевые факты въ ихъ отличіи отъ всѣхъ другихъ явлений природы и въ ихъ детальныхъ законахъ. Въ своемъ предметѣ изслѣдованія она нерѣдко соприкасается съ другими философскими дисциплинами, но все же не совпадаетъ съ ними и относится къ нимъ съ своей особой точки зренія. Рѣшеніе различныхъ проблемъ въ другихъ философскихъ наукахъ находится въ многообразной зависимости отъ психологическихъ данныхъ, — но все же эти проблемы решаются не психологія... Поясню примѣромъ: теорія познанія неизбѣжно исходитъ изъ разсмотрѣнія

природы и законовъ нашего мышленія; въ этомъ она совпадаетъ съ психологіей, которая между другими психическими процессами изучаетъ и процессы нашей познающей мысли, и между выводами той и другой науки не должно быть никакого принципіального противорѣчія. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ относится къ процессамъ нашего ума съ своей особой точки зренія. Укажемъ хотя слѣдующее простое различіе: теорія познанія решаетъ вопросъ о самой возможности всякаго знанія вообще, потому по самой своей задачѣ она необходимо должна ограничиваться только вполнѣ самоочевидными данными разума и не предполагать никакихъ частныхъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ, — ведь она должна еще показать возможность какой бы то ни было науки. Между тѣмъ психологія есть уже специальная наука, которая изучаетъ человѣческое мышленіе во всемъ конкретномъ разнообразіи его проявленій.

Итакъ, задачи психологіи имѣютъ огромную важность; тѣмъ печальнѣе то несовершенное состояніе, въ которомъ психологія находится до нашихъ дней; хотя она начала существовать съ незапамятныхъ временъ, она не выдерживаетъ даже и поверхностного сравненія съ науками физическими.... Въ послѣднее время, возникли отдѣльные области, обработанныя сравнительно точно, но всѣ они относятся къ сферѣ психофизическихъ изслѣдований. Во всякомъ случаѣ они представляютъ какъ бы оазисъ среди хаоса противорѣчащихъ обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаний. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать,

какъ мало въ ней установленного и бесспорного, какъ мало въ ней действительно доказанныхъ и въ то же время содержательныхъ законовъ, какія слабыя стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой науки — простое описание фактовъ. Болѣе того: какъ ни странно это, хотя дѣло идетъ о непосредственно переживаемомъ нами, нерѣдко оказывается спорной даже самая наличность фактовъ [казалось бы ежеминутно допускающихъ проверку]. Укажу некоторые примѣры, хотя бы изъ сферы памяти: можно ли вспоминать боль? Можно ли вспомнить запахъ? Объ этомъ идутъ споры, и существуетъ рѣзкое разногласіе. Или о чувствахъ: когда мы радуемся и печалимся, любимъ и ненавидимъ, жалѣемъ и сочувствуемъ, точно ли тутъ дѣло идетъ о чисто внутреннихъ духовныхъ состояніяхъ, выражающихъ наше стремленіе или отвращеніе, или мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ чисто физическія ощущенія? Нѣкоторые психологи настойчиво доказываютъ послѣднее. Еще болѣе разительный примѣръ: мы постоянно думаемъ объ общихъ истинахъ, принципахъ, понятіяхъ. И вотъ, возникаетъ вопросъ: правда ли, что въ нашемъ умѣ существуютъ общія идеи и истины, или мы имѣемъ всегда только отдельные представленія объ отдельныхъ конкретныхъ предметахъ? Можно ли думать о людяхъ вообще, о всякихъ людяхъ, или наша мысль всегда относится къ отдельнымъ, определеннымъ лицамъ? Можно ли думать о добрѣ, справедливости, красотѣ по общему содержанію этихъ понятій? Объ этомъ идетъ огромный споръ черезъ всю исторію европей-